

УДК 339

США И НАЧАЛО ЯПОНСКОЙ АГРЕССИИ В КИТАЕ: ПРЕЛЮДИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

© 2014 г. **М.Г. Носов***
Институт Европы РАН, Москва

Кризис в отношениях между Вашингтоном и Токио нарастал в условиях дальнейшего развития японской агрессии против Маньчжурии, милитаризации Японии и её выхода из Лиги Наций и заключения таких международных соглашений как Пакт Бриана – Келлога (1928 г.) и Вашингтонские и Лондонские соглашения по морским вооружениям. Закончился этот период в июле 1937 г., когда «Маньчжурский инцидент», а именно так Япония называла начавшуюся в сентябре 1931 г. необъявленную войну с Китаем, превратился в японо-китайскую войну 1937–1945 гг., переросшую в Тихоокеанскую войну.

Ключевые слова: США, Япония, Китай.

Американская политика в отношении Японии в первой половине 1930-х годов отражала взгляды двух лауреатов Нобелевской премии мира – президента США Вудро Вильсона и госсекретаря США Элиу Рута **, считавших, что международные конфликты должны решаться на основе моральных принципов и неприменения силы. По сути, в своей конкретной политической реализации эта политика, усугублённая интересами монополий, которые не спешили отказываться от своих прибылей, получаемых от стран-агрессоров, стала предтечей мюнхенского сговора 1938 г., окончательно открывшего путь ко Второй мировой войне.

Основу конфликта между Вашингтоном и Токио составляли такие противоречия как уверенность американских политиков в том, что при наличии международных договорённостей и институтов все государства смогут воспользоваться равными преимуществами свободной торговли и политической независимости, с одной стороны, и стремление японцев обеспечить себе место в клубе Великих держав и экономическую и политическую стабильность за счёт захвата чужих ресурсов и территорий – с другой. Япония исходила из того, что, в отличие от достигших полной автаркии США, она крайне ограничена в природных ресур-

* **НОСОВ Михаил Григорьевич** – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИЕРАН. E-mail: mikhailnosov@mail.ru.

Продолжаем цикл статей об истории развития отношений США и Японии. См.: «США ♦ Канада». 2011: № 1, 2, 7, 11; 2012: № 4 и 11; 2013: № 7.

** Э. Рут получил премию в 1912 г. за «укрепление мира в Западном полушарии», а В. Вильсон в 1919 г. за создание Лиги Наций, в которую США так и не вступили.

сах, а её территория недостаточна для быстрорастущего населения. При этом в первой половине 1930-х годов главной угрозой своей безопасности Япония считала не США, а СССР и все мобилизационные планы японской экономики строились в расчёте на советско-японскую войну, намечавшуюся на 1936 год*.

В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. рядом с казармами 7-й бригады китайской армии севернее Мукдена взрывом были повреждены пути Южно-Маньчжурской железной дороги**. После перестрелки с китайскими войсками Квантунская армия*** начала широкомасштабные военные действия. Уже на следующий день был захвачен Мукден, а в декабре того же года вся территория Маньчжурии была оккупирована японскими войсками. В феврале 1932 г. территория трёх провинций Китая была провозглашена независимым государством Маньчжоу-го, де-факто ставшим колонией Японии. В 1933 г. Япония расширила оккупированную территорию, установив свой контроль за провинцией Жэхэ, которая вскоре вошла в состав Маньчжоу-го.

Агрессия против Китая фактически закончила недолгую передышку между двумя мировыми войнами. В октябре 1935 г. Италия напала на Эфиопию, затем в 1938 г. последовал аншлюс Австрии Германией и оккупация Чехословакии, а 1 сентября 1939 г., сначала Европа, а затем и весь мир оказались втянутыми в бойню Второй мировой войны.

Японская агрессия в Маньчжурии привела, хотя и не сразу, к обострению американо-японских отношений, в центре которых оказались опасения американцев потерять свои позиции в Китае. Семена будущего конфликта были посеяны ещё в 1899 г., когда спустя четыре года после окончания японо-китайской войны, Вашингтон, наконец, понял, что Япония решила прочно обосноваться на материке, и провозгласил доктрину «открытых дверей» в Китае, направленную на обеспечение равных возможностей на китайском рынке. С этого момента вопрос американо-японских противоречий по проблемам Китая постоянно оставался на повестке дня двух стран.

Экспансионизм Японии был связан как с развитием глобальной ситуации в мире, так и с теми изменениями, которые происходили в её политике под влиянием краха Версальско-Вашингтонской системы, с её утопическими надеждами на мир на земле и всеобщее благоденствие. До тех пор, пока внешняя торговля Японии росла и экономика развивалась, существовали ресурсы для поддержания социального баланса, что оправдывало вестернизацию, в рамках которой Япония пыталась создать западную политическую систему и ощущала свою причастность к принципам демократии. Экономические трудности, связанные как с внутренними проблемами, так и с глобальными последствиями «Великой депрессии» 1929 г., нарушили этот хрупкий баланс, и модернизация получила негативную коннотацию. На фоне разочарования в западной

* В июне 1933 г. на совещании высших армейских офицеров министр армии Араки Садао назвал СССР главной угрозой безопасности Японии [1, р. 34].

** Взрыв был настолько незначительным, что фактически движение по ЮМЖД не прерывалось.

*** После заключения Портсмутского мира в 1905 г. Япония получила право на аренду Ляодунского [Квантунского по-японски] полуострова с городами Дайрен и Порт-Артур и контроль над 430 километрами Южно-Маньчжурской железной дороги от Чанчуня до Порт-Артура. В полосу отчуждения железной дороги шириной в 124 метра Япония держала войска для охраны дороги, которые получили название Квантунская армия.

демократии росло стремление вернуться к традиционным японским ценностям, главным из которых стал лозунг времён Реставрации Мэйдзи – «сильная страна, сильная армия». Итогом отхода от «демократии Тайсё», которая дала Японии возможность достаточно далеко продвинуться по пути демократизации общества и модернизации страны, стал рост влияния военных, фактически определявших политику страны в 1930-е годы. Японские элиты были разочарованы не только в демократии Тайсё, но и в западном либерализме. Он отождествлялся с колониализмом, а Япония была готова заявить о своём стремлении возглавить против него борьбу. По словам генерала Араки Садао, «белые превратили страны Азии просто в объекты угнетения, и императорская Япония больше не может оставлять их наглость безнаказанной» [14, р. 81]. Именно в 1930-е годы в мире, который всё больше разделялся на западные демократии и государства с тоталитарной системой управления, Япония сделала выбор в пользу вторых*.

Одной из важнейших причин как обострения отношений между США и Японией, так и радикализации внешней и внутренней политики Японии, стал кризис глобальной экономики. В силу отсутствия природных ресурсов японская экономика практически полностью зависела от внешних рынков и в первую очередь от торговли с Соединёнными Штатами и Китаем, на которые в 1928 г. пришлось соответственно 41,3% и 25,9% экспорта и 26,2% и 18,4% импорта. Для США, в экспорте которых в том же году на Японию пришлось 5,6%, а на Китай 2,8%, а в импорте соответственно 9,4% и 2,2%, дальневосточный рынок большого значения не имел [18].

Последствием биржевого краха 1929 г. стал спад мировой торговли, усугублённый принятием США в июне 1930 г. протекционистского закона Хоули – Смута**, поднявшего ставки пошлин на более чем 20 тыс. импортируемых товаров. Это привело к тому, что с 1928 по 1933 г. американский экспорт сократился с 5,1 млрд. долл. до 1,7 млрд., а импорт с 4,2 млрд. долл. до 1,5 млрд. Японский экспорт за те же годы упал с 889 млн. долл. до 473 млн. долл., а импорт – с 1,1 млрд. долл. до 494 млн. долл. [18]. Учитывая долю США во внешней торговле Японии, протекционистские меры стали более чем чувствительным ударом по её экономике.

Обострилась ситуация и на японском внутреннем рынке. Индекс цен на шёлк-сырец, который был важнейшей статьёй экспорта страны, с 1928 по 1933 гг. упал более чем в 2 раза и в то же время почти в 2 раза упала закупочная стоимость риса (как следствие хороших урожаев в конце 1920-х годов и конкуренции со стороны Кореи и Тайваня). Падение цен на рис в значительной степени ухудшило ситуацию в сельских районах страны [11, р. 125].

* В схему разделения мира на демократические и тоталитарные государства в 1930-е годы не укладывался СССР. Являясь по природе тоталитарным государством, до 22 июня 1941 г. он, с одной стороны, не имел возможности присоединиться к западным демократиям, с другой, – коммунизм и фашизм были антагонистичными идеологиями, что препятствовало присоединению Москвы к «оси Берлин – Рим – Токио». Противоречия между демократией и тоталитаризмом определили недолговечность геополитического союза между СССР и Западом в борьбе с государствами «оси», который мог существовать только в условиях войны.

** Закон назван по имени его инициаторов сенатора из Юты Рида Смута и члена Палаты представителей Уиллиса Хоули от Орегона.

Наиболее сохранным внешним рынком для Японии остался Китай в целом и Маньчжурия в частности, которая была не только основным источником угля, леса и железной руды, но и районом, куда Япония вложила более 500 млн. долл. инвестиций [9, р. 161]. Прочные позиции Токио в Дальневосточном регионе явились важнейшим фактором, определявшим стремление Японии к созданию собственной сферы экономического и политического влияния на базе иены, куда, кроме неё, вошли Маньчжурия, Тайвань и Корея. Закрытость полуколонизальной иеновой зоны, где правила торговли диктовались из Токио, позволила Японии уже в 1937 г. превзойти уровни экспорта и импорта 1929 г., чего США сделать не смогли.

Японская агрессия в Маньчжурии определялась и тем, что с конца XIX века Япония вслед за США выдвинула собственную «доктрину Монро»^{*} для Азии. Китай рассматривался как объект японского влияния, что давало Токио право считать себя главным арбитром при решении проблем внутренней и внешней политики этой страны. В начале 1931 г. депутат парламента Японии и бывший вице-президент ЮМЖД Мацуока Ёсукэ, обосновал японские претензии на создание собственной сферы политического и экономического влияния. По его словам, «мировое экономическое противостояние движется по пути создания больших экономических объединений. Япония, глядя на внешнюю и внутреннюю ситуацию, чувствует, как её душат. Нам необходим минимум для жизни, мы ищем пространства, где мы смогли бы дышать» [13, р. 265]. Наиболее естественным «жизненным пространством» рассматривалась Маньчжурия, в которой Япония давно уже видела и сферу приложения капитала, и источник сырьевых ресурсов^{**}.

Токио с той или иной степенью готовности принимал, а иногда использовал в своих интересах американское экономическое присутствие в Китае, однако стратегически оно всегда противоречило планам Японии в отношении своего континентального соседа. До 1930-х годов это неоднократно приводило к разногласиям с США, но до этого времени Япония не считала себя готовой к открытой конфронтации с Вашингтоном. Не были готовы к решительному противостоянию действиям Японии и Соединённые Штаты, решившие передать урегулирование кризиса в Маньчжурии Лиге Наций, участия в работе которой они формально не принимали.

Вашингтон не слишком активно вмешивался в события в Маньчжурии. Первая его реакция на события в Мукдене была довольно спокойной. Американская печать не спешила обвинять Японию в агрессии, которая рассматри-

^{*} Провозглашённая в 1823 г. доктрина, названная по имени президента США Джеймса Монро, объявляла Западное полушарие сферой интересов США.

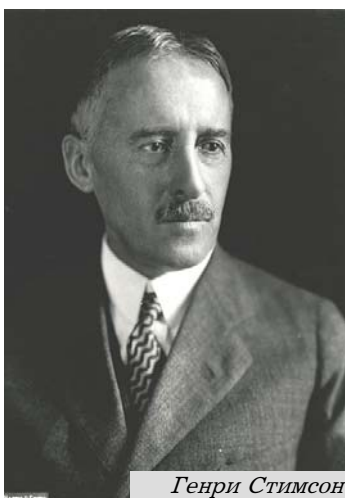
^{**} Установление японского контроля над Маньчжурией публично мотивировалось идеями таких националистов, как, например, Исивара Канзэи, чья философия была смесью национализма, популизма и социалистических идей. Он говорил: «Китай не является единой нацией. Священная миссия Японии помочь людям Китая. Четыре нации – японцы, китайцы, корейцы и маньчжуры будут пользоваться благами процветания, деля между собой ответственность. Японцы – это политическое лидерство и тяжёлая промышленность, китайцы – рабочая сила и мелкий бизнес, корейцы – рис, маньчжуры – скотоводство» [8, р. 12].

Набережная Бунд в Шанхае

валась как незначительный и изолированный эпизод, происходящий в далёком Китае. Редактор влиятельной газеты «Нью-Йорк уорлд» Уолтер Липман писал в сентябре 1931 г.: «Понять, кто является агрессором в Маньчжурии, это всё равно, что определить, кто кого первым толкнул в переполненном вагоне метро» [10, р. 188]. Столь пассивной реакция американского общественного мнения, а за ним и руководства страны на события в Китае объяснялась рядом факторов.

В начале 1930-х годов отношения с Японией и Китаем не были в числе приоритетов американской политики. Оценивая события в Маньчжурии с аме-

Генри Стимсон

риканской точки зрения, необходимо помнить, что японская агрессия в Китае начиналась на фоне «Великой депрессии», а продолжалась в период президентских выборов 1932 г. и начала деятельности новой администрации Франклина Рузвельта. Американцы, с одной стороны, были поглощены решением сложных экономических и социальных проблем, а с другой – верили в то, что японцы не решатся нарушить те международные договорённости, к которым обе страны присоединились. За два дня до начала японской агрессии госсекретарь США Генри Стимсон встречался с послом Японии в Вашингтоне и стороны констатировали «удовлетворительное состояние отношений» между обеими страна-

ми» [6, р. 5]. Быстрыми темпами развивались экономические отношения, американский экспорт в Японию с 1913 г. по 1928 г. вырос с 59 млн. долл. до 288 млн. долл., импорт из Японии увеличился с 97 млн. долл. до 380 млн. долл. [18]. Серьёзную роль в формировании американской точки зрения на

японские действия в Китае играла переоценка тех политических и экономических изменений, которые произошли в Японии в контексте «демократии Тайсё» и вестернизации страны.

Министр иностранных дел Японии Сидехара Кидзюро, как и кабинет Вакацуки Рэйдзиро в целом, были за гражданский контроль над армией. Выступление офицеров Квантунской армии действительно было сюрпризом для кабинета министров. Утром 19 сентября 1931 г. премьер-министр Вакацуки обратился с посланием к одному из самых влиятельных политиков Японии бывшему премьеру и участнику Реставрации Мэйдзи Сайондзи Киммоти. По словам премьер-министра, ни МИД, ни министерство армии не предоставили ему никакой информации, а в ответ, на вопрос, обращённый к военному министру Минами Дзиро о том, что сможет сделать армия в случае военного сопротивления превосходящих китайских сил, тот ответил, что будут переброшены японские войска из Кореи, при этом Минами добавил, что «войска, вероятно, уже находятся там». Своё послание премьер-министр заключил признанием, что «в складывающихся обстоятельствах он абсолютно не в состоянии сдерживать военных в ситуации, когда императорские вооружённые силы действуют без санкций императора» [2, р. 236]. Что касается самого Сайондзи то ему оставалось лишь констатировать в своём дневнике, что «в конце концов, это произошло» [9, р. 166].

Госсекретарь США не хотел предпринимать шаги, которые могли бы негативно воздействовать на политическую борьбу, происходившую между либералами и милитаристами в верхних эшелонах японской власти. В Вашингтоне не без основания считали, что в Токио существует группа политиков во главе с министром иностранных дел Сидехарой, которые сделают всё, чтобы остановить выступление офицеров Квантунской армии, развязавших войну без санкции правительства.

22 сентября 1931 г. Стимсон вновь встретился с послом Японии и выразил своё «полное доверие министру иностранных дел Сидехаре и его усилиям по сохранению мира и поддержанию справедливых международных отношений». Послу был вручен меморандум, где говорилось: «Правительство США уверено, что у правительства Японии не было намерений создать ситуацию, при которой ставились бы под вопрос существующие соглашения». В меморандуме подтверждалась уверенность администрации США в том, что «для Госдепартамента крайне важно любым путём поддержать гражданскую часть японского правительства», не согласную с маньчжурской авантюрой [5, р. 10].

Сам Сидехара находился в весьма сложной ситуации. Он был человеком, хорошо знавшим Запад и США и, вероятно, понимавшим, насколько опасным для будущего Японии может стать приход к власти военных и конфликт с Соединёнными Штатами. Он видел все выгоды развития отношений с Вашингтоном, возможности японо-американского двустороннего сотрудничества в Китае и, наконец, имел моральные обязательства перед своими американскими партнёрами. Однако Сидехара был прагматиком и в тех условиях, в которых находилась страна, идти против течения он не хотел, да и не мог, и до своей отставки в декабре 1931 г. продолжал уверять американцев в том, что Япония действует в Китае исключительно в рамках самообороны.

До определённого момента в Вашингтоне старались верить японским заверениям. Ошибочность американских оценок можно оправдать сложностью внутривнутриполитической обстановки в Японии. Даже сегодня, когда об этом времени написаны сотни книг, основанных на тщательном исследовании документов и архивов, весьма трудно дать полную и объективную картину происходящего в 1930-е годы в Японии. Те люди, которые по долгу службы должны были давать точную оценку событиям в Японии и Китае, далеко не всегда правильно понимали, что происходит. И директор дальневосточного отдела Госдепартамента Стэнли Хорнбек, и назначенный в начале 1932 г. посол США в Токио Джозеф Грю считали, что события в Маньчжурии скорее отражают борьбу между армией и либерально настроенными политиками, а не политику установления японского контроля над Китаем и Азией. Даже, когда уже ясно вырисовывались масштабы японской агрессии, Джозеф Грю в 1932 г. писал Стимсону – «мало вероятно, что “Мицуи” и “Сумитомо” позволят поставить свои огромные зарубежные интересы под угрозу этих махрово реакционных движений» [9, р. 174]. Хорнбек считал, что Квантунская армия будет скомпрометирована провалом усилий по экономическому освоению Маньчжурии, что приведёт к возвращению либералов в активную политику [3, 1932, р. 344].

В реальности, главную роль в политической жизни страны всерьёз и надолго стали играть военные, хотя при этом и они не представляли собой единой силы. Генералитет и старших офицеров можно было разделить на две политические фракции – Группу контроля (*Тосейха*) и Группу императорского пути (*Кодоха*). Обе фракции выступали с националистических позиций и против западных политических институтов. Однако первые стремились установить военную диктатуру в рамках политических процессов, вторые – стремились решить эту проблему с помощью террористических актов, осуществлявшихся группами молодых офицеров.

В 1930 г. был смертельно ранен премьер-министр Хамагути Осати, в 1932 г. были убиты премьер-министр Инукаи Цуёси, глава концерна «Мицуи» Дан Такума и бывший министр финансов Иноуэ Дзюнносукэ. В марте и октябре 1931 г. радикально настроенные молодые офицеры дважды пытались свергнуть правительство. В марте заговор был раскрыт и часть заговорщиков была арестована. В октябре ситуация повторилась, но никто из офицеров серьёзного наказания не понёс. Кульминацией этих выступлений стал офицерский мятеж в феврале 1936 г., когда путчисты заняли здания парламента и министерства армии, убили бывшего премьер-министра Сайто Макото и министра финансов Такахаси Корэкиё. Действующий премьер-министр Окада Кейсукэ лишь по счастливой случайности избежал смерти. Подавление выступления молодых офицеров потребовало прямого вмешательства императора и на этот раз казни 13 офицеров и 4 гражданских, что фактически положило конец активности сторонников терроризма, но отнюдь не приверженцев милитаризации страны.

Когда стало очевидным, что «Маньчжурский инцидент», как официально окрестили события в Китае японцы, имеет долгосрочный и опасный характер, Госдепартаменту удалось обеспечить американское участие в работе Лиги Наций, в которую с жалобой обратился Китай. Американский представитель да-

же участвовал в заседании Лиги. Однако сам Стимсон, с одной стороны, заявлял о необходимости занять твердую позицию в отношении Японии, а с другой – всё ещё пытался найти причины отхода японцев от привычных для него «вильсоновских» схем международной политики. Через неделю после начала работы Лиги Наций госсекретарь конфиденциально говорил журналистам: «Япония – наш буфер против неизвестных сил», подразумевая под этим Китай и СССР [9, р. 169].

Позиция США стала меняться после того, как в нарушение многочисленных обещаний прекратить агрессию, японцы сначала 8 октября 1931 г. бомбардировали город Цзиньчжоу в провинции Ляонин, что было первой в мире бомбардировкой мирного населения, а затем в декабре захватили его. Стимсон резко осудил акцию Японии, войска которой приблизились к Великой китайской стене, поскольку он считал, что переход за границы Маньчжурии будет означать конец политики «открытых дверей», которая в значительной степени была фетишизирована американцами. В реальности Китай не играл сколько-нибудь значительной роли в американской экономике. Экспорт США в Китай в 1935 г. составлял лишь 42 млн. долл., а импорт – 54 млн. долл., тогда как экспорт в Японию достигал 203 млн. долл., а импорт – 158 млн. долларов [18].

Для США одним из важнейших факторов определявших американскую политику невмешательства в политику Японии в Маньчжурии, были интересы монополий, которые имели прочные связи с японским рынком. США с 1933 г. по 1936 г. поставляли почти 70% металлического лома, более 80% нефти и других видов стратегического сырья, без которых Япония не могла бы осуществлять программу военного строительства, на которую тратила свыше 40% своего бюджета, что на то время являлось самым высоким показателем в мире [1, р. 145].

Реакция Вашингтона на события в Маньчжурии во многом определялась и позицией президента Гувера. После того как в декабре 1931 г. стало ясно, что Япония не собирается прекращать агрессию, госсекретарь предложил президенту план ответных действий, который предусматривал, что США вместе с союзниками введут коллективные экономические санкции против Японии. В случае же, если это не возымеет действия, Соединённые Штаты используют дипломатическое давление и общественное мнение для принуждения сторон к урегулированию кризиса. Стимсон опирался на оценку Стэнли Хорнбека, который был уверен, что в условиях экономического эмбарго Япония сможет продержаться не более трёх месяцев [1, р. 55]. Однако Гувер в отличие от госсекретаря Генри Стимсона, был категорическим противником экономических санкций; по его оценке, Стимсон, будучи компетентным госсекретарём, временами превращался из дипломата в бойца. «Для него (Стимсона. – *М.Н.*) фраза «экономические санкции» (бойкот) была волшебной палочкой, с помощью которой можно достать (вытянуть) мир из глубокой пропасти. «Здесь наши мнения разошлись, – писал Гувер. – Ещё с времён Версаля я убедился, что экономические санкции означают войну, если они применены против любой крупной державы» [7, р. 366].

Свою позицию по событиям в Китае Гувер сформулировал в меморандуме, который он представил кабинету в середине октября 1931 г. Считая происхо-

дящее «аморальным и возмутительным», президент, признал, что Япония нарушила существующие договорённости, однако отметил, что и «Договор девяти, и Пакт Бриана – Келлога, являются лишь инструментами морали, а не военными союзами». Что касается Лиги Наций, то Гувер отметил: «США не являются членами организации, чей устав также был нарушен» [7, р. 369–370].

Тем самым президент до определённой степени дистанцировался от конфликта. Интересно отметить, что в этом документе, который в то время носил закрытый характер, президент с пониманием отнёсся к мотивации японских действий, отмечая, что, с точки зрения Японии, происходящее в Китае угрожает её национальным интересам и безопасности. К таким угрозам были отнесены потеря рынков, «анархия на территории Китая», «большевистская Россия и большевистский Китай». Обещая присоединиться к усилиям Лиги Наций по восстановлению мира, президент заявил, что это предел того, на что готова пойти Америка. «Ни наши обязательства в отношении Китая, ни любые собственные интересы, ни чувство собственного достоинства не заставят нас воевать... мы никогда не начнём ни войну, ни применение санкций, будь они экономическими или военными», – писал Гувер [7, р. 369–370].

Усилия американской дипломатии после начала японской агрессии в Маньчжурии были направлены, прежде всего, на сохранение принципа «открытых дверей» в Китае, что требовало торгового равенства для всех стран в Китае и сохранения территориальной целостности стран Азии. На начальном этапе конфликта эти два требования находились в противоречии друг с другом. В Вашингтоне считали, что Китай в силу политической нестабильности не может обеспечить коммерческие интересы Америки, тогда как политика Японии, даже, несмотря на её захватнический характер, направлена на стабилизацию ситуации в этой стране. С точки зрения госсекретаря Стимсона, которую он высказал за год до событий в Маньчжурии, Китай нуждался в порядке, и только Япония могла его обеспечить» [9, р. 168].

И в Вашингтоне, и в Токио считали, что гоминьдановское правительство, ведущее войну и с сепаратистами, и с коммунистами, в его нынешнем состоянии не сможет удержать контроль над страной. США рассчитывали, что Япония будет содействовать стабилизации ситуации в Китае, и что именно это поможет сохранить американское влияние и инвестиции в этой стране. В Токио политическая и территориальная раздробленность Китая рассматривалась, как шанс не только укрепить свои позиции там, но и как возможность отторгнуть значительную часть китайской территории.

Пассивность американской политики в отношении Японии определялась ещё и тем, что попытки оказать давление на Японию не находили поддержки союзников США. Госсекретарь Стимсон пытался наладить сотрудничество с министром иностранных дел Великобритании Джоном Саймоном, но англичане от сотрудничества отказались. В ответ на американские просьбы направить японскому правительству ноту протеста по поводу оккупации Маньчжурии, английский МИД сделал заявление, в котором со ссылкой на выступление японского премьер-министра о том, что «Япония будет твёрдо придерживаться политики "открытых дверей" и приветствовать иностранное участие и сотрудничество в маньчжурском бизнесе», говорилось, что «правительство Его Вели-

чества не видит необходимости направлять официальную ноту японскому правительству аналогичную американской ноте» [3, 1932, р. 19]. Как писал о себе в третьем лице Стимсон, «праведный гнев, который направлял действия Стимсона, мягко говоря, не разделялся сэром Джоном Саймоном» [16, р. 263].

Однако больше всего США боялись, что экономические санкции явятся юридическим признанием ведения Японией войны против Китая, которая до сих пор считалась лишь «инцидентом», что станет поводом для вовлечения США в эту войну. Опыт участия США в Первой мировой войне был ещё слишком свеж в памяти американцев, которые всё больше склонялись к политике изоляционизма.

7 января 1932 г., после того как японские войска оккупировали последний город на территории Маньчжурии, Стимсон всё же направил ноту правительствам Китая и Японии, в которой была сформулирована так называемая «политика непризнания». В ноте говорилось: «США считают своим долгом проинформировать правительства Японии и Китая о том, что правительство США не может признать законность сложившейся де-факто ситуации и не собирается признавать любую договорённость или соглашение, которые могут нанести ущерб договорным правам Соединённых Штатов или их гражданам в Китае, включая те, которые связаны с независимостью или территориальной и административной целостностью Китая, что предусматривает "политика открытых дверей" в Китае. США также не собираются признавать никакую ситуацию, договор или соглашение, противоречащие обязательствам и договорённостям вытекающим из Парижского пакта от 27 августа 1928 г., участниками которого являются и Китай, и Япония, равно как и Соединённые Штаты» [5, р. 76].

В ответ на американскую ноту, японское правительство 16 января 1932 г. сообщило, что Япония продолжает придерживаться Пакта Бриана – Келлога, а что касается политики «открытых дверей», то она крайне сожалеет о том, что ситуация, сложившаяся в Китае, препятствует её реализации. Токио вновь повторил, что не имеет никаких территориальных претензий к Маньчжурии, однако её процветание и безопасность, так же, как и свобода её торговли, особо важны для японцев [5, р. 76-77].

При этом в тот же день послу США было объявлено о том, что в феврале Япония намерена провозгласить независимость Маньчжурии. Японцы пытались убедить американцев в том, что делается это по просьбе самих китайцев, в чём министр иностранных дел Ёсидзава Кенкити убедился после встречи с губернаторами трёх провинций Маньчжурии [5, р. 78].

Стимсон продолжал попытки отстоять принцип «открытых дверей» в Китае, даже за счёт согласия на действия Японии в Маньчжурии. В январе 1932 г. Госдепартамент сделал заявление, в котором, со ссылкой на ноту администрации США от 1915 г., касающуюся 21-го требования, предъявленного Японией Китаю, отмечалось, что США «не оспаривают права японцев в Маньчжурии, не имеют намерений вмешиваться в условия любых договорённостей, которые в будущем могут быть достигнуты между Японией и Китаем в случае если они не будут затрагивать права американцев в Китае и не нарушат условия Пакта Бриана – Келлога» [3, 1934, р. 8].

Однако в Токио уже было принято решение об образовании марионеточного государства в Маньчжурии. 19 февраля 1932 г. министр иностранных дел Японии лично собрал иностранных послов и объявил о «создании по инициативе китайских официальных лиц независимого китайского правительства в Маньчжурии». На вопрос американского посла о том, как независимость Маньчжурии сочетается с многочисленными японскими заявлениями о суверенитете Китая, Ёмидзава ответил, что «у него не было времени подробно разобраться в этом вопросе, но позиция японского правительства заключается в том, что Маньчжурия, оставаясь территорией Китая, будет иметь независимое правительство, как это было когда Цзян Цзолин и его сын не были связаны с Нанкинским правительством» [5, р. 79].

За день до этого Стимсон, разочарованный и раздражённый постоянными и неуклюжими уловками японцев записал в своём дневнике: «Складывающаяся ситуация начинает всё больше раздражать и возвращает меня ближе к моей давней точке зрения, что мы всё ещё не достигли стадии, когда можно было бы обходиться без полицейских сил. И сегодня единственная полицейская сила, на которую я могу опереться – это флот США, о чём я в ближайшее время собираюсь сказать президенту» [15, 18.02.1932, reel 4, vol. 20, р. 189].

23 февраля 1932 г. Стимсон направил открытое письмо сенатору Уильяму Бора, в котором сформулировал тезис о том, что несоблюдение Японией международных обязательств открывает путь к отказу от Лондонских договорённостей и даёт возможность приступить к модернизации флота США. Однако на японцев американский демарш, тем более сделанный в столь необычной форме, не произвёл слишком большого впечатления. Агрессия в Китае продолжалась, а сам Стимсон назвал свою инициативу «политикой блефа», которую «было трудно проводить, поскольку сам блеф было трудно подтвердить». Объяснял эти трудности госсекретарь тем, что президент Гувер был категорически против любых санкций против Японии, вплоть до того, что Стимсону пришлось официально опровергать циркулировавшие в Лиге Наций слухи о возможности их применения [16, р. 246].

Невнятность американской позиции позволяла Японии всё дальше продвигаться по пути агрессии. Новое государство Маньчжоу-го было формально провозглашено 1 марта 1932 г. со столицей в Чанчуне, однако ни одна из великих держав не признала его*. Япония установила с ним юридические отношения только в сентябре 1932 г., подписав протокол о взаимном сотрудничестве в обеспечении безопасности, согласно которому командующий Квантунской армией стал послом Японии в Чанчуне и фактическим правителем Маньчжоу-го. Реакция США на провозглашение Маньчжоу-го была более, чем осторожной. 3 марта госсекретарь Стимсон направил в посольство США в Китае телеграмму, в которой говорилось, что, «в случае если будет получено уведомление об установлении нового режима в Маньчжурии, следует проинформиро-

* После признания Маньчжоу-го Японией в течение 1934–1941 гг. его признали 23 государства, в основном входивших в блок стран Оси Берлин – Рим – Токио и страны, оккупированные Германией и Японией в ходе Второй мировой войны. СССР признал новое государство де-факто, продав ему в сентябре 1934 г. КВЖД, а де-юре – в апреле 1941 г. после подписания 13 апреля 1941 г. Пакта о нейтралитете между СССР и Японией.

вать об этом Госдепартамент, но не предпринимать никаких шагов до получения дальнейших инструкций» [3, 1932, vol. III, p.495-496].

Позиция администрации Гувера не изменилась и после опубликования 2 октября 1932 г. доклада Литтона о ситуации в Маньчжурии. В работе над документом участвовал и представитель США генерал Фрэнк Маккой. Хотя Япония и не была названа агрессором, в докладе отмечалось, что «японцы имели точно составленный план поведения на случай возможных военных действий между ними и китайцами», а захват Маньчжурии был осуществлён «в нарушение международных договоров и Устава Лиги Наций» [12, p. 330]. В ответ Япония заявила о выходе из Лиги Наций.

Позиция США изменилась после прихода в 1933 г. в Белый дом президента Ф. Рузвельта. Свою политику в отношении Японии Рузвельт определил вскоре после своего избрания. В январе 1933 г., за два месяца до инаугурации, он встретился с госсекретарём Стимсоном и обсудил с ним проблемы внешней политики США, включая ситуацию на Дальнем Востоке. Рузвельт не питал иллюзий по поводу политики Японии и согласился с принципом непризнания законности действий Японии в Китае и с готовностью США начать модернизацию флота. Он лишь отметил, что критики заслуживает только то, что начинать проводить подобную политику надо было намного раньше.

Новый президент относился к Японии с определённой долей настороженности. Ещё в 1920 г., учась в Гарварде, Рузвельт от одного из японских студентов услышал рассказ о разработанном в 1889 г. в Японии плане, рассчитанном на сто лет, который предусматривал аннексию Маньчжурии и северного Китая, установление контроля над принадлежащими США и Великобритании территориями в Тихоокеанском регионе, включая Гавайи, и создание военных баз в Мексике и Перу. Проверить достоверность этого плана не представляется возможным, но в 1934 г. президент рассказал об этом Стимсону, отметив, что многое из этих намерений становится реальностью [17, p. 47].

В отличие от Гувера, который не только не хотел предпринимать сколько-либо решительных действий против Японии, но и отказывался помогать Китаю, новый президент принял решение предоставить китайцам 50-миллионный кредит на оплату экспорта американского зерна и хлопка и отправил туда американских пилотов-добровольцев и самолёты. Ответом Японии было заявление представителя МИД Амау Эйити в апреле 1934 г., где говорилось, что «поставки в Китай военных самолётов, строительство аэродромов в Китае, направление военных инструкторов или военных советников либо предоставление займов, используемых в политических целях, без сомнения, приведёт к разрушению дружеских отношений между Японией и Китаем и другими странами и нарушит мир и порядок в Восточной Азии. Япония будет выступать против подобных планов» [4, p. 225].

Госдепартамент реагировал на это заявление весьма двусмысленно. В меморандуме Хорнбека, с одной стороны, речь шла о том, что США должны придерживаться политики «открытых дверей», с другой – говорилось о том, что США, «без всякого сомнения, необходимо иметь "большую дубинку", но не следует размахивать ею или говорить о ней, воздерживаясь от первого и быть весьма осторожными в использовании своих слов» [3, 1935, vol. III, p. 836].

После убийства в 1932 г. премьер-министра Инукаи правительство Японии возглавили военные, но в марте 1936 г. был сформирован кабинет во главе с гражданским политиком Хирота Коки, занимавшим в предыдущем кабинете пост министра иностранных дел. По оценке посла США в Токио Грю, данной новому премьер-министру, «Хирота сильный и надёжный человек и хотя ему придётся до определённой степени заигрывать с армией, по моему мнению, его внешняя политика будет разумной, насколько это возможно» [17, р. 35].

Хирота, ещё будучи министром, сделал попытку улучшить отношения с США. В феврале 1934 г. он заявил, что для достижения взаимопонимания между обеими странами Япония готова начать переговоры с Вашингтоном с целью рассмотреть вопросы касающиеся «раздела Тихого океана путём заключения определённого рода соглашения и возможности предоставления независимости Филиппинам» [3, 1934, р. 638]. США на это заявление не отреагировали в силу очевидной нереалистичности японского предложения, выходящего далеко за рамки юрисдикции Токио.

Однако уже с первых дней своего существования новый премьер-министр столкнулся с противодействием армии. Сначала военные вынудили его отменить назначение на пост министра иностранных дел либерального дипломата Ёсиду Сигэру, а вскоре было принято решение о возвращении к практике, когда министры армии и флота назначаются из числа генералов и адмиралов, находящихся на действительной службе. Это позволяло военным таким образом контролировать политику: если они не соглашались с предложенной кандидатурой, кабинет автоматически распускался до того момента, когда их наконец устраивала новая кандидатура министра.

В новом кабинете Хирота Коки Министерство финансов возглавил опытный экономист Такахаси Корекиё, которому удалось вывести Японию из экономического кризиса. Был отменён золотой стандарт, что привело к 40% девальвации иены, но прекратило отток валюты из страны и восстановило японскую конкурентоспособность на международном рынке. Новый министр финансов прибег к выпуску государственных облигаций и снизил кредитную ставку, что привело к оживлению экономики, дальнейшее развитие которой стимулировалось и ростом военных заказов. На фоне глобальной экономической депрессии японская экономика по темпам прироста промышленного развития опережала США и страны Европы. Эти успехи в глазах общественного мнения подтверждали правоту военных и националистов, выступавших против «западного либерализма». По оценке американского посла Грю «японцы в подавляющем большинстве поддерживали действия армии в Маньчжурии и поэтому не слишком были обеспокоены выводами комиссии Лиги Наций» [3, 1932, vol. IV, р. 78].

Ещё одним признаком ухудшения отношений между Токио и Вашингтоном стал крах международной системы контроля над морскими вооружениями, которая определялась решениями Вашингтонской – 1922 г. и Лондонской – 1930 г. конференциями по морским вооружениям. В них участвовали и США, и Япония. Согласно Лондонскому договору новая конференция должна была созываться в 1935 г. для подготовки нового договора. В мае 1934 г. Великобритания направила приглашение правительствам США и Японии начать предварительные переговоры по подготовке конференции. Японцы долго тянули с посылкой своих представителей, которые прибыли в Лондон лишь 16 октября

1934 г. Планировалось, что проведению трёхсторонней конференции, назначенной на 19 декабря, будут предшествовать двусторонние встречи участников. Встреча англичан и американцев завершилась ещё летом, и дело оставалось лишь за встречами с японскими участниками конференции.

Японцы соглашались принять участие в конференции только при условии достижения паритета с Великобританией и США. Уже в сентябре 1934 г. МИД Японии известил посла США в Токио о том, что японцы приняли твёрдое решение выйти из Вашингтонского договора до конца года. Окончательно всё решилось 29 декабря, после того как японские предложения об установлении равного уровня флотов для Японии, США и Великобритании не были приняты.

Американская политика фактического невмешательства в ход японской агрессии в Китае опиралась на интересы американских монополий, заинтересованных в торговле с Японией и Китаем и на изоляционистскую политику Конгресса, отражавшую стремление избежать повторения тех событий, которые привели к вовлечению США в Первую мировую войну. В 1935 г. в США был принят закон о нейтралитете, запрещавший экспорт оружия, боеприпасов и военного снаряжения не только воюющим государствам, но даже и нейтральным странам, в случае если существует угроза передачи их воюющим сторонам. Во многом изоляционизм противоречил политике президента Рузвельта, который активно пытался помочь Китаю в отражении японской агрессии.

Радикализация политики шла не только в Азии, но и в Европе, где происходило быстрое разрушение Версальской системы. В Германии после прихода к власти Гитлера началось формирование фашистского блока Берлин – Рим. В марте 1935 г. Германия отказалась от тех статей Версальского договора, которые ограничивали её военное строительство. Как США и Великобритания в Китае, так и европейские страны в Европе проводили политику невмешательства в те агрессивные действия, которые предпринимали Германия и Италия. Быстро росло противостояние между блоком Берлин – Рим и странами, ориентировавшимися на политику Великобритании и Франции. Вскоре к этой глобальной конфронтации присоединилась и Япония. В 1935 г. военный атташе посольства Японии в Берлине генерал Осима Хирочи встретился с фактическим руководителем внешней политики Германии Иоахимом Риббентропом и проинформировал его о намерении Японии заключить соглашение с Германией для борьбы с коммунизмом.

тропом и проинформировал его о намерении Японии заключить соглашение с Германией для борьбы с коммунизмом.

25 ноября 1936 г. так называемый Антикоминтерновский пакт был подписан в Берлине. Формально он был направлен против Коминтерна и назывался «Соглашение о совместной обороне против Коммунистического Интернационала», однако его секретные статьи предусматривали, что, в случае если одна из сторон окажется в со-

стоянии войны с СССР, другая будет придерживаться благожелательного нейтралитета. В случае нападения СССР на одну из сторон, участники соглашения предусматривали консультации для обеспечения общих интере-

Американские моряки на крейсере «Аугуста» на рейде Шанхая

сов, что, по сути, означало, что две страны обязались сохранять нейтралитет, если одна из них окажется в состоянии войны с СССР. В ноябре 1937 г. к пакту присоединилась Италия, позже ещё ряд стран Европы и Азии. По словам посла США в Токио Джозефа Грю, присоединение Италии «создавало антикоммунистический треугольник, что, без сомнения, говорило о том, что Япония становится частью так называемого фашистского блока стран... в отходе от её традиционного равнения на демократические страны» [19].

Отношения между США и Японией период с 1931 по 1937 гг. основывались на политике невмешательства и попытках убедить Токио отказаться от агрессии в отношении Китая. Даже, когда японцы в январе 1932 г. начали военные действия в Шанхае и создавалась угроза для проживавших там американцев, Госдепартамент занял крайне осторожную позицию. Вашингтон всячески пытался избежать столкновения между японскими войсками, которые постоянно нарушали все договорённости о безопасности Шанхайского сэттльмента, и американскими морскими пехотинцами, дислоцированными в Шанхае*. В конце января Стимсон направил телеграмму командующему Азиатским флотом США адмиралу Монтгомери Тейлору с требованием «проявить крайнюю сдержанность и предпринять все возможные усилия для того, чтобы избежать любых столкновений между американскими и другими подразделениями» [3, 1932, р. 124]. Одновременно Госдепартамент дал указание консулу США в Шанхае пересмотреть границы сэттльмента путём уступки «его американской части, где

* Численность иностранных формирований, потенциально противостоящих 3 тыс. японцев в Шанхае на конец января 1932 г. составляла 1264 американца, 2086 англичан, 1008 французов, 160 итальянцев. К этому надо прибавить силы китайской 19-й полевой армии, которая, в отличие от иностранных формирований, противостояла японской агрессии [3, 1932, р. 108].

доминируют японские интересы» [3, 1932, р. 123]. Адмирал Тейлор без приказа из Вашингтона направил в Шанхай ещё 1400 человек, крейсер и 6 эсминцев, что довело численность иностранных войск, противостоящих японцам, почти до пяти тысяч. Белый дом был вынужден утвердить его решение лишь задним числом [3, 1932, р. 146], однако ни американцы, ни англичане и французы так и не предприняли никаких реальных действий в отношении японской агрессии. Соппротивление японцам оказали лишь китайские войска*.

«Крайняя сдержанность» Вашингтона в конечном счёте обеспечила японцам сначала полную свободу для агрессии в Китае, а затем для экспансии в Юго-Восточной Азии.

Список литературы

1. *Barnhart M.* Japan Prepares for Total War. Ithaca and London: Cornell University Press, 1987.
2. *Bix H.* Hirohito and the Making of Modern Japan. New York: Perennial, 2000.
3. U.S. Foreign Relations (FRUS).
4. FRUS, Further Japanese Political and Economic Penetration into China, 1934-1936
5. FRUS, Occupation of Manchuria by Japan and Statement of Policy by the United States.
6. FRUS Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Japan 1931-1941.
7. *Hoover H.* The Memoirs of Herbert Hoover. The Cabinet and the Presidency 1920-1933. New York: The Macmillan Company, 1952.
8. *Ienaga Saburo.* The Pacific War 1931-1945. New York: Pantheon Books, 1978.
9. *LaFebr Walter.* The Clash. U.S.-Japanese Relations Throughout History. New York: W.W. Norton & Co., 1997. 166 p.
10. *Lipman W.* Interpretations, 1931-1932. New York: The Macmillian Co., 1932, 188 p.
11. *Okhawa Kazushi.* The Growth Rate of the Japanese Economy Since 1878. Tokyo: Kinokunia, 1957, 125 p.
12. Report of the Commission of Inquiry. League of Nations. Geneva, 1932. Ch. III, 330 p.
13. Japan in Crisis / Ed. by B. Silberman, H. Harootunian. Princeton, 1974. 265 p.
14. *Snow Edgar.* Far Eastern Front. New York: H. Smith & R. Haas, 1933. 351 p.
15. *Stimson Henry.* Diaries
16. *Stimson Henry.* On Active Service in Peace and War.
17. *Toland John.* The Rising Sun. New York: Random House, 1970. 955 p.
18. UN Statistics
19. Japan 1931-1941. Vol. 2. P. 160.

* Перемирие было подписано лишь в мае 1932 г. Согласно ему Шанхай был объявлен демилитаризованной зоной.